АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

X

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

М. К. КАРГЕР

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИЕВА

I

Вопрос о том, когда и кем был основан Киев, дебатировался в русской исторической науке с первых дней ее существования. Глубокий интерес к этому вопросу понятен. Проблема возникновения Киева — неотделимая составная часть древнейшей истории русского государства. «Предание о трех братьях Кие, Щеке и Хориве, — писал Д. И. Иловайский, [1] — есть ничто иное, как попытка ответить на вопрос: откуда пошло Русское государство».

Историки XVIII — нач. XIX вв. в решении этой проблемы могли опираться исключительно на легендарный рассказ о трех братьях — основателях Киева, занесенный в древнейший летописный свод. На необходимость серьезного отношения к легендарным рассказам русских летописей об основателях городов обращал внимание еще незабвенный М. В. Ломоносов. «Владетели и здатели городов в пределах Российских, — писал он почти два века тому назад, — известны по Нестору в Полянах Кий, Щёк и Хорев; Славян новгородских по летописцу Славен и Рус. И хотя в оном летописце с начала много есть известий невероятных, однако же его откинуть невозможно». [2]

Комментирование этого рассказа вело старых историков к весьма несхожим, часто взаимно исключающим выводам.

В. Н. Татищев недоверчиво относился к историческому содержанию легенды о трех братьях. Самое имя — Киев, или Кивы (что значит — горы) он считал сарматским. [3]

М. Щербатов находил имена братьев-основателей арабскими и персидскими и почему-то на этом основании считал, что Киев построен не славянами, а гуннами; [4] ему решительно возражал Н. М. Карамзин, остроумно отметив, что «гунны разрушали города, а не строили их и говорили без сомнения не арабским и не персидским языком». [5]

Рейнегс [6] утверждал, что Киев основан готами, ибо имя его есть финико-арабское и значит «место любимое, радостное».

И. Н. Болтин признавал строителей Киева аварами, утверждал, что Киев — слово венгерское и значит — веселый. Так же толковал Бол-

[1] Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е. М., 1882—1886, стр. 52 и 65.

[2] М. В. Ломоносов. Краткий Российский летописец с родословием. 1760, § 6.

[3] В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен. Кн. II. М., 1773, стр. 354—355.

[4] М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1794, стр. 116—121.

[5] Н. М. Карамзин. История государства Российского, I, примеч. 71.

[6] Reineggs. Beschreibung des Kaukasus, II, стр. 200.

тин и имена других братьев Кия и его сестры. Хорив, по его мнению, — венгерское слово — Горог, что значит кривой, Щек (Сцег) — кормило, а Лебедь — (Лебегс) — трепетание. Итак Кий, Щек и Хорив и Лебедь были, по Болтину, авары и говорили одним языком с венграми.

Байер, принимая сказание о трех братьях за историческое, отожествлял нашего Кия с готским королем Книве, воевавшим в Панонии с римским императором Децием.

Наконец, Г. Ф. Миллер, не находя в византийских летописях никаких известий о походе Кия на Царьград, пытался примирить летописный рассказ с византийскими летописями, считая, что Кий служил в войсках тех гуннов, которые при Феодосии II разоряли Империю.

Все эти представители докарамзинского периода нашей историографии в своих толкованиях летописной легенды, столь не сходных между собой, сходились почти все лишь в одном: они не хотели верить летописному рассказу в том, что Кий с братьями были не гунны, и не готы, и не авары, а славяне. Решительно возражал против этих толкований Н. М. Карамзин. «Не видим мы нужды, — писал он, — отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева славянским полянам. Имена древние не всегда могут быть изъяснены языком новейшим, из чего не следует, что они произошли от иного языка».[1] «Что-нибудь одно, — говорил Н. М. Карамзин, возражая Байеру, — или верить в сем случае Нестору, или не верить; если верить, то Кий был славянский князь, а не готский».[2] Возражал Карамзин и против того, что, «оставив достоверного Нестора», некоторые историки склонны были больше доверять автору Киевского Синопсиса, выписанного по большей части из польских историков — Длугоша, Стрыйковского и др.[3] Стрыйковский, утверждавший, что Киев был основан в 430 г. по Р. Х., еще Шлецером[4] был назван за это бессовестным.

Местное народное предание о Киеве, занесенное в XI в. в летописные своды, наряду с церковной легендой о путешествии ап. Андрея, предрекавшей и закреплявшей великое политическое и церковное значение Киева в истории древнерусского государства, свидетельствовали о том, что в эпоху, когда обе эти легенды были литературно оформлены, Киеву принадлежала виднейшая роль в политической жизни страны.

Но голос народного предания говорил и о бóльшем. Легенда закрепляла мысль о том, что Киев был славным городом задолго до того времени, когда он во второй половине X в. стал признанной столицей Руси. Может быть, эта мысль и составляет наиболее реальную историческую основу древней народной легенды.

II

В 1850—1852 гг. Копенгагенское королевское общество северных антиквариев, при материальном содействии русского правительства, издало два тома «Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves». В этих двух фолиантах были опубликованы целиком и в отрывках скандинавские и исландские саги, имеющие отношение к русской истории, а также отрывки из скандинавских и исландских песен.

---

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, I, примеч. 71.

[2] Там же, т. I, прим. 71. Мы не останавливаемся на неоднократных более поздних попытках связать возникновение Киева с скандинавами, венграми, литовцами, аланами, хазарами и даже финнами. См. об этом: Г Ильинский, Σαμβατας Константина Багрянородного. Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського, II, КиЇв, 1928, стр. 166—167 и А. И. Лященко. Киев и Σαμβατας у Константина Багрянородного. ДАН СССР, 1930, № 4, стр. 66—72.

[3] Там же, т. I, примеч. 71.

[4] А. Шлецер. Нестор, т. I. СПб., 1809, стр. 184.

Северный фольклор еще задолго до этого привлекал внимание исследователей древней русской истории, начиная с историков XVIII в. — Байера и Миллера.

В 30-х гг. XIX в., после статьи О. Сенковского,[1] посвященной скандинавским сагам, имеющим отношение к русской истории и в частности Эймундовой саге, скандинавский фольклор вошел в состав источников русской историографии. Правда, о значении памятников северного фольклора в качестве исторического источника высказывались различные взгляды. Если упомянутый Сенковский доказывал важное историческое значение саг, то член Археографической комиссии Бередников, в докладе по поводу ходатайства Копенгагенского общества северных антиквариев об оказании пособия на упомянутое издание, высказался крайне скептически об историческом значении саг. Ссылаясь на авторитет Шлецера, Лейбница, Ире, Гебгарда, Каченовского, Бередников писал: «Саги, которые будут заключаться в этом издании, пользуются в ученом мире весьма сомнительным авторитетом. Как основанные исключительно на поэтических преданиях грубых Скандинавов, саги не могут достоверным образом развить нашу древнюю историю, потому что, во-первых, сущность саг решительно баснословна, во-вторых, они не применяются ни к какой хронологии; в-третьих, хотя некоторые исторические очерки и имена, упоминаемые в наших летописях, изредка встречаются в сагах, но это вовсе ничего не прибавляет к тому, что уже известно из наших хроник, или по сомнительному происхождению и характеру саг не может исторически утвердить или пояснить никакого факта, даже и в тех случаях, когда саги разнятся с нашими летописями, или говорят о том, чего нет в них; и в-четвертых, саги... суть позднейшего происхождения».[2]

Как правильно было указано Н. П. Дашкевичем, скептики, развенчивавшие саги как исторический источник, «не обращали должного внимания на то, что в таких памятниках, как саги, можно искать особой вероятности, относясь к ним, как к памятникам поэтическим, можно требовать правды внутренней и находить верные отдельные подробности».[3]

Мы позволили себе с несколько излишними, может быть, подробностями остановиться на вопросе о роли скандинавского эпоса как источника древнерусской истории, — потому что в связи именно с этим источником возникло вскоре после выхода в свет копенгагенских фолиантов и в известной мере продолжает жить до наших дней печальное заблуждение в вопросе о древнейших судьбах Киева.

В числе других памятников, опубликованных в «Antiquités Russes», была известная «Hervarasaga». В этой саге выступает Hlödr, внебрачный сын короля Гейдрека, который царствовал в Рейдготии (Reidhgotaland), простиравшейся до Harvad-hafjöll (хорватских, или карпатских гор), а столицей имел Danpistadir (Днепровский город). По смерти Гейдрека Hlödr требует от его сына и преемника, чтобы тот отдал ему половину страны, а именно «половину того великого леса, что зовется Myrkvidhr (темный лес), ту святую могилу, что лежит на пути, ту чудную скалу в Днепровских местах, половину замков, что имел Гейдрек». В предисловии к саге издатели отметили, между прочим,

---

[1] О. Сенковский. Скандинавские саги. «Библиотека для чтения», т. I, Отд. III, стр. 1—77.

[2] Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. I, СПб., 1885, стр. 205—207.

[3] Н. П. Дашкевич. Приднепровье по некоторым памятникам древне-северной литературы. Унив. изв., Киев, 1886, № 11, стр. 224.

следующее: «Имя Danpstadir, которое появляется также в Atlakvida, как название места, расположенного в царстве Atla, царя гуннов, и которое Я. Гримм (Deutsche Mythologie, стр. 1211) остроумно сопоставил с Tanfa, Tanfana, может также напомнить название Danapris или Днепр».[1]

А. А. Куник, приняв это толкование, высказал предположение, что за время странствования готов к Понту «Днепровский город некоторое время был столицей Готского королевства».[2] Это мнение было повторено А. Н. Пыпиным[3] и несколько подробнее развито вновь А. А. Куником в заметке «Русский источник о походе 1043 года», помещенной в «Каспии» Дорна.[4] В этой заметке А. А. Куник, между прочим, писал: «По словам этой саги, во времена гуннов, Danpstadir, Danparstadis, Danprstadir (= от Danaper, Днепровский град, Киев?) был главным городом (höfudborg) Reidhgotaland'a или Gotinjôdh'a. . .». Брун, ссылаясь на это место у Куника, писал: «Днепровский город занимал вероятно то место, где затем был построен Киев».[5]

Известно, что «Hervarasaga» — сказание довольно позднего происхождения, датируется в основном XII—XIII в., хотя имеет различные варианты, более древние и более поздние части. Время ее возникновения неизвестно, но поздний характер ее не вызывал сомнений.[6]

Попытка найти те же названия в более древних скандинавских источниках была сделана известным знатоком древнесеверного фольклора, исландцем Г Вигфуссоном.[7] Вигфуссон, изучая место действия эддической Hamdis-mal, обратил внимание на один не совсем понятный стих этой песни, которую он считает одной из древнейших песен Эдды. Стих этот читался обычно так: «Holl sá þeir Gotha oc hlíd — skialfar djúpa».[8] Последнее слово («глубокий») Вигфуссон считал ошибкой переписчика. Исправляя это слово по аналогии с другими песнями Эдды, Вигфуссон ставит вместо djúpa — Danpar. При этом исправлении текст получает такой смысл: «Они увидели палату готов и скаты берегов Днепра».

В древней песне об Аттиле (Atla-Kvida) действительно встречается подобное же выражение — Danpar: «. .Днепровские места, знаменитый лес, который мужи зовут Темной дубравой» («. . .stadi Danpar, hris þat id maera, es medr Myrkvid kalla»).[9]

В песне о Hlod и Angantheow также говорится, что Heidric'у принадлежали: «тот знаменитый лес, который зовется Темной дубравой, та священная могила, которая стоит в земле готов, та знаменитая скала, которая стоит в Днепровских местах».[10]

Дальнейшее толкование исправленного стиха Hamdis-mal приводит к тому, что в этой песне — одной из древнейших песен Эдды, — идет речь о столице готов в каком-то месте Восточной Европы над «Danpar», который естественно отожествить с «Daniper» Иордана, т. е. с позднейшим Днепром.

---

[1] Antiquités Russes. т I. Копенгаген. 1850, стр. 112.

[2] Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, т. IV, кн. 5 (1869), стр. 520.

[3] Вестник Европы, 1875, № 11, стр. 127.

[4] Стр. 55.

[5] Черноморье, ч. II, Одесса, 1880, стр. 289.

[6] См. в частности: М. Грушевский, Історія України-Руси. I. Киев, 1913, стр. 149.

[7] G. Vigfusson. Sigfred-Arminius and other papers. Grimm Centenary. Оксфорд, Лондон, 1886.

[8] Corpus poeticum boreale, т. I, Оксфорд, 1833.

[9] Там же, I, стр. 45.

[10] Там же, I, стр. 350.

Отыскивая место на берегу Днепра, которое могло быть ареной действия героев Hamdis-mal, Вигфуссон считает, что Danparstadir — древний центральный город на Днепре — безусловно Киев. Здесь гора, занимаемая Лаврой, могла быть издавна знаменитым и священным местом погребения. На ней могла быть расположена столица Гиферика и Эрманарика. Здесь берег возвышается над рекой террасами — настоящими «hlíd-skialfar». Этот город — один из пунктов Европы, который самым своим расположением был как бы предопределен стать центром исторического тяготения. Особое положение делало Киев удобным торговым рынком, святилищем, крепостью. В особенности он годился, по мнению Вигфуссона, быть центром таких конгломератов царств, как тот, которым правил Эрманарик. Здесь в Киеве Вигфуссон видит центральный пункт готской империи и столицу Эрманарика. В состав этой первой тевтонской империи входили, по мнению Вигфуссона, чудь (эсты и др.), славяне, скифы и готы. Этот второй Александр правил над черноземной полосой России, начиная от песчаных, усеянных озерами, берегов Балтийского моря до дельт Черноморья и от Карпат до восточных степей. Средоточием этой империи по Вигфуссону было среднее течение Днепра и Киев.

По мнению Вигфуссона, Hamdis-mal представляет лишь отголосок той готской поэзии, которая была вызвана подвигами Эрманарика, но достаточно и того, что уцелело, чтобы понять, что вдохновенный поэт — автор песни — находился не вне «палат готов» в Днепровском городе. Знакомясь с этой поэмой, по мнению Вигфуссона, можно представить себе великолепие, пышность обстановки и силу власти готского василевса на Днепре. [1]

Может быть, не было бы необходимости столь подробно останавливаться на концепции Вигфуссона и его русских предшественников — неумеренных представителей «готской теории», если бы призрак мифического Danparstadir в различных модификациях не появлялся вновь и вновь в трудах русских и украинских ученых до самого недавнего времени, хотя обстоятельной критике теория Вигфуссона подвергалась вскоре после выхода его труда.

Скептическое отношение ко всем основным положениям Вигфуссона высказал проф. Киевского университета Н. П. Дашкевич в рецензии на книгу Вигфуссона, напечатанную в том же 1886 г. [2]

Н. П. Дашкевич прежде всего справедливо не находил возможным согласиться с тем возвеличением Эрманарика, к которому вслед за некоторыми древними историками, сравнивавшими Эрманарика с Александром Великим, пришел Вигфуссон. Дашкевич указывал, что уже Вильгельм Гримм признавал баснословным повествование Иордана об Эрманарике. Многие немецкие историки также отмечали значительные преувеличения в сказаниях об обширной державе Эрманарика и признавали в рассказе Иордана отголосок поэтической саги, героем которой был Эрманарик. Небывалое могущество, приписываемое Эрманарику, и самый перечень народов, подвластных Эрманарику, уже давно вызывали сомнения у критически настроенных историков, в том числе и немецких. Во всяком случае, подтвердить историческими фактами приурочение столицы Эрманарика к Днепру трудно. Более того, невозможно решить даже и более общий вопрос — было ли вообще Среднее Поднепровье в числе обширных пространств, принадлежавших Эрманарику.

Обращаясь к вопросу о достоверности предания о «Днепровском городе», сохранившегося в эддических песнях, Н. П. Дашкевич указы-

---

[1] G. Vigfusson, ук. соч.

[2] Н. П. Дашкевич. Приднепровье по некоторым памятникам древне-северной литературы. Унив. изв., Киев, 1886, № 11, стр. 220—241.

вал, что песня о Hlod и Angantheow, заключающая самое подробное упоминание, говорящая и о «священной могиле» и о «знаменитой скале», должна быть сразу устранена из доказательств древности предания о «Днепровском городе», потому что заимствована, по мнению самого Вигфуссона, из «Hervarasaga» не раньше XI в.

Остаются, следовательно, два упоминания — о Днепровском нагорном береге и о «Днепровских местах». Но из них одно (в Hamdis-mal), как мы помним, взято из другой песни по догадке. Весь стих, в который оно введено, испорчен и является результатом остроумных реконструкций исследователя. Таким образом, вполне бесспорным остается лишь упоминание «Днепровских мест» в песни об Аттиле (Atla-kvida).

Но самое главное возражение Н. П. Дашкевича состояло не в этом. Считая, что рассматриваемые песни в том виде, как они дошли до нас, — не старше IX в., Дашкевич выдвигал мысль, не следует ли считать упоминания о Днепре и Днепровском городе в песнях Эдды позднейшей локализацией столицы Эрманарика, которая могла произойти под влиянием рассказов скандинавов, бывавших в этом городе в IX и следующих веках, ходивших по пути «из Варяг в Греки», или слышавших тогда о Киеве.

Все сказанное приводило Дашкевича к выводу, что в словах Эдды о Днепровском городе едва ли возможно признать отголосок древнейшего предания об Эрманарике, восходящего ко времени этого последнего.

Отрезвляющая критика Дашкевича, однако, не парализовала распространение теории Вигфуссона. Если, как говорит древняя поговорка, — книги имеют свою судьбу, — то не менее интересную судьбу, оказывается, имеют и рецензии на книги. Обстоятельная рецензия Дашкевича, изложившая все основное содержание книги, против которой она была направлена, послужила больше к пропаганде идей Вигфуссона, чем к их опровержению. В течение десятков лет приверженцы теории Днепровской столицы готов ссылаются не столько на подлинный малодоступный труд Вигфуссона, сколько на рецензию Дашкевича, причем нередко считают последнего проводником и сторонником этой теории.

Так, автор капитального сводного труда об исторической топографии Киева Н. И. Петров, ссылаясь на Дашкевича, писал: «Самый Киев в это время принадлежал готам, а затем гуннам и в IV в. был центром Готской империи и столицей Эрманарика».[1]

В. Б. Антонович[2] не только полностью следовал за Вигфуссоном, считая Киев столицей готов, но и утверждал, что соображения Вигфуссона были проверены проф. Дашкевичем, который нашел, что его предположение очень вероятно. Со своей стороны, Антонович пытался подтвердить факт существования готского Киева археологической документацией, привлекая для этого два клада римских монет III — IV вв. н. э., найденных на Подоле и на Печерске.

Со ссылкой на Вигфуссона и Н. П. Дашкевича признавал существование готской столицы на Днепре и Ю. Кулаковский,[3] полагавший, что Киев существовал еще во времена Птолемея и значится на карте последнего под именем Метрополь. Когда готы тронулись на юг к пределам Римской империи, под их напором исчезли с лица земли старые

[1] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 3.

[2] В. Антонович. Публичные лекции по геологии и истории Киева. Киев, 1897, стр. 36—37.

[3] Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 31. Н. Закревский (Описание Киева. М., 1868 [2], т. I, стр. 6) считал, что Птолемеев Азагориум, слывший у окрестных жителей под именем Загорья, был нечто иное, как Киев.

культурные центры Тира, Ольвия, Танаис, но «среди этого переворота уцелел, повидимому, и даже, может быть, был призван к новой жизни Метрополь — Киев», который и выступает при готах, как Danparstadir — столица Эрманарика.

Признавали существование днепровской готской столицы на территории Киева Ф. Браун,[1] В. С. Иконников,[2] С. Рожнецкий,[3] А. Погодин,[4] И. Стеллецкий.[5] К. Шероцкий, автор солидного научного путеводителя по Киеву, напечатанного в 1917 г., не только поддержал теорию Вигфуссона, но и считал, что она «подтверждается археологическими данными».[6]

Итак, если изучение древнерусской народной легенды об основателях Киева привело к признанию наиболее реальной исторической основы этой легенды в том, что она в поэтической форме закрепляла мысль о славном прошлом великого города, задолго до того времени, как он стал признанной столицей Руси, то изучение северных легенд о «Днепровском городе», наоборот, приводит к выводу о перенесении на мнимую готскую столицу Эрманарика черт более позднего исторически-реального русского Киева.

Общей для обоих источников особенностью является, однако, легендарный поэтический характер их. Забывая об этом и превращая русскую легенду или северные песни в исторические документы, в собственном, узком смысле этого слова, исследователи нередко обольщали себя иллюзорной исторической реальностью тех фактов, которые на самом деле имели подлинную ценность лишь как поэтический образ, требующий специфических средств раскрытия.

III

История Киева, как и история других крупнейших городов древней Руси, уходит своими корнями в далекое историческое прошлое нашей Родины.

Когда в середине XI в. и особенно в начале XII в. в Киеве, как и в ряде других крупных городов, появляется регулярное летописание, составители древнерусских летописей, естественно, пожелали внести в свои своды сведения о тех периодах истории своего города, которые уже и для них были более или менее далеким историческим прошлым. Осмысляя это далекое прошлое пересказом народных легенд и сказаний, летописцы надолго обеспечили последующей историографии легендарный туман, скрывающий первые страницы истории города, сквозь который лишь с большим трудом удается проследить отдельные исторические события и их участников.

Изучение древнейшего периода истории Киева, периода вовсе не отраженного собственной письменностью и весьма мало и сомнительно письменностью других народов, возможно лишь при условии максимального внимания к источникам, отмеченным — в противоположность тем, о которых шла речь выше — наибольшей исторической реальностью, к источникам археологическим.

---

[1] Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. СПб., 1899, стр. 8.

[2] В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 116—117.

[3] С. Рожнецкий. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе. Изв. ОРЯС, 1911, т. XVI, кн. 1, стр. 72.

[4] А. Погодин. Киевский Вышгород и Гардарики. Изв. ОРЯС, 1914, т. XIX, кн. 1, стр. 31.

[5] И. Стеллецкий. Летописные варяжские пещеры и клад. Сб. статей в честь Уваровой. М., 1916, стр. 262.

[6] К. Шероцкий. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 2.

Археологическое изучение Киева началось более 100 лет тому назад. С 20-х гг. XIX в. ежегодно происходили открытия различных памятников, относившихся к различным периодам истории города. Благодаря рано начавшимся археологическим раскопкам — с одной стороны, и интенсивным строительным и планировочным работам — с другой, к началу нашего века было известно уже огромное количество отдельных случайных находок, кладов, погребений, жилищ, развалин древних храмов, дворцов и т. п.

Особое внимание среди этих открытий и находок привлекали многочисленные разнообразные по характеру памятники, начиная с конца X и до середины XIII в.

Древнейшим ядром города, топографически ясно очерченным, считался до недавней поры город Владимира, т. е. город в тех границах, которые сложились лишь к самому концу X в.

Только исследованиями последних лет, позволившими в свете новейших археологических открытий пересмотреть и переоценить многие ранее известные, но неправильно истолкованные факты, удалось в известной мере реконструировать облик Киева VIII — X вв. Несколько одновременно сосуществовавших небольших городищ VIII — X вв. с огромными некрополями возле них, расположенные на территории современного Киева, стянувшиеся лишь позже в один крупный городской центр, были предшественниками города Владимира.[1]

Однако историк, изучающий древний Киев в свете археологических источников, не вправе остановиться на достигнутых нижних границах исторической стратиграфии города. Городища VIII — X вв. не были древнейшими поселениями на территории Киева.

Растущие из года в год новые серии источников, нам кажется, делают своевременной попытку реконструировать еще одну стадию в историческом развитии города, значительно более древнюю, чем те городища, о которых была речь выше. Мы говорим о поселениях первых веков н. э., о поселениях римского времени.

Почти сто лет тому назад, в 1841 г., при производстве земляных работ на Александровской улице (против средней части Царского сада) были найдены две серебряные римские монеты Фаустины Младшей (жены имп. М. Аврелия, ум. 175 г.) и императора Коммода (180—192 гг.), т. е. обе II в. н. э.[2]

Пять лет спустя, в августе 1846 г. при постройке жандармских казарм на Печерске, был найден клад римских монет, состоявший из 80 бронзовых и 2 серебряных монет. Дальнейшая судьба этого клада нам неизвестна. Краткое известие о находке клада опубликовал в 1852 г. Б. В. Кене.[3] Однако бронзовые монеты вовсе не привлекли его внимания и только два денария были им кратко описаны. Один из

---

[1] М. К. Каргер. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК АН СССР, I, 1939, стр. 9—10. — Он же. Погребение киевского дружинника X в. Там же, V, 1940, стр. 79—82. — Он же. Раскопки древнего Киева. Наука и жизнь. Изд. АН СССР, 1940, № 2, стр. 38—40. — Он же. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК АН СССР. VI, 1940, стр. 61—67.

[2] А. Пискарев. Хронологическое обозрение пятидесяти подземных археологических находок в России с 1820 по 1850 г. ЗРАО, 1851, III. Переч. засед. за 1850 г., стр 85. — Н. Беляшевский. Монетные клады Киевской губ. Киев, 1889, стр. 9. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 41. — В. Ляскоронский. Римські монети, які знайдено на території м. Київа. Український музей, Зб. I, Київ, 1927, стр. 29.

[3] Б. В. Кене. Описание европейских монет X, XI и XII вв., найденных в России. ЗРАО, 1852. IV, стр. 3. — См. также: Н. Беляшевский. Монетные клады, стр. 10. — В. Б. Антонович. Арх. карта..., стр. 40. — В. Ляскоронский. Римські монети..., стр. 29.

них относился ко времени Октавиана Августа (44 г. до н. э. — 14 г. н. э.), второй — Септимия Геты (211—212 гг.).

Еще 30 лет спустя, в 1876 г., в Плоской части Киева, являющейся непосредственным продолжением Киево-Подола, в усадьбе Магурина, расположенной вблизи так называемой «Канавы», т. е. нижнего течения Глубочицкого ручья, в районе, носящем название Оболонь (летописное «Болонье») при земляных работах рабочими был найден большой клад, состоявший из 200 с лишним бронзовых монет. Рабочие, нашедшие клад, состоявший из довольно невзрачных на вид бронзовых монет, не обратили на него особого внимания, монеты частью были выброшены, частью разошлись по рукам. Позже из этого большого клада удалось приобрести для Мюнц-кабинета Киевского университета 25 экз. монет, которые были определены и обстоятельно описаны В. Б. Антоновичем в 1878 г.[1] Впоследствии он собрал еще 32 монеты этого клада. Две монеты из того же клада были приобретены киевским коллекционером К. В. Болсуновским.[2]

Монеты Оболонского клада разделяются на две группы, из которых первую (45 экз.) составляют римские колониальные монеты, чеканенные в Антиохии (в Писидии) во время царствования императоров Филиппа Старшего (244—249 гг.), Траяна Деция (249—251 гг.), Волюзиана (251—254 гг.) и Галлиена (259—268 гг.).[3]

Вторую группу (14 экз.) составляют немного более поздние монеты — римской средней и малой бронзы, времен императоров Максимина II Даза (307—313 гг.), Константина Великого (306—323 гг.), Констанция II (323—361 гг.), Прокопия (365—366 гг.).[4]

Таким образом, Оболонский клад состоял, повидимому, из монет, близких между собой как по времени, так и по типам. По составу монет он относится ко второй половине III и первой половине IV в. Все монеты римского чекана, большинство из них принадлежит к разряду римских колониальных монет (колония Антиохия в Писидии).

Еще В. Б. Антонович,[5] опубликовавший первые сведения о кладе 1876 г., высоко оценил его историческое значение. По его мнению Оболонский клад представляет «древнейшее из известных поныне письменных свидетельств, относящихся к истории города Киева». Основываясь на монетах Оболонского клада, В. Б. Антонович считал, что на месте нынешнего Киево-Подола уже в IV в. существовало поселение, и что торговые сношения этого поселения связывали его жителей по меньшей мере с побережьем Черного моря, может быть и с Византией. Это поселение В. Б. Антонович образно называл — «будущей матерью городов Русских».[6]

В повторной публикации клада В. Б. Антонович, отмечая значительный интерес Оболонского клада для истории города Киева, называл клад «древнейшим датированным вещественным памятником, свиде-

---

[1] В. Б. Антонович. Описание киевского клада, содержащего римские монеты III и IV столетия. ДТМАО, VII, 1878, стр. 241—244.

[2] Подробное описание состава клада сделано Н. Ф. Беляшевским. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, стр 26—34. См. также: В. Данилевич. Монетные клады, принадлежащие Мюнц-кабинету университета св. Владимира. Унив. изв., Киев, 1892 и отд. Киев, 1892, стр. 14—17. — В. Б. Антонович. Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее Университета св. Владимира, вып. 1, Монеты древнего мира. Унив. изв., Киев, 1896 и отд. Киев, 1896, приложение II, стр. 252—256. — В. Г. Лятскоронский, ук. соч., стр. 29.

[3] Н Беляшевский, ук. соч., стр. 27—32.

[4] Там же, стр. 32—34.

[5] В. Б. Антонович. Описание Киевского клада... ДТМАО, VII, 1878, стр. 244.

[6] Там же, стр. 244.

тельствующим о существовании города и торговых его сношениях в IV ст. по Р. Х.».[1]

В 1887 г. около Кирилловского монастыря при закладке фундамента под постройку был вновь найден клад римских монет, содержавший около 350 экз. Однако, когда в 1892 г. остатки этого клада были куплены коллекционером Н. Леопардовым, он состоял уже всего из 25 монет. Впоследствии Леопардов пожертвовал клад в Музей Киевской духовной академии. Судя по описанию монет, попавших в это собрание, в составе клада находились монеты Веспасиана (69—79 гг.) — 1 экз., Домициана (81—96 гг.) — 1 экз., Траяна (98—117 гг.) — 1 экз., Адриана (117—138 гг.) — 1 экз., Сабины (жены имп. Адриана, ум. 136 г.) — 1 экз., Антонина Пия (138—161 гг.) — 4 экз., Фаустины Старшей (жены Антонина Пия, ум. 141 г.) — 2 экз., Марка Аврелия (161—180 гг.) — 7 экз., Люциллы (жены имп. Люция Вера, ум. 183 г.) — 3 экз., Коммода (176—192 гг.) — 4 экз.[2]

В 90-х годах прошлого столетия при прокладке канализационных труб в городе рабочими были вновь найдены несколько экземпляров бронзовых римских монет; часть из них попала в руки В. В. Хвойки, у которого их видел В. Ляскоронский.[3] По словам последнего, среди этих находок были монеты императора Константина Великого (306—323 гг.) и его преемников, а также монеты значительно более раннего времени. Одна из этих монет, найденная на Воздвиженской улице, представляла денарий Корнелии Салонины, жены императора Галлиена (259—268 гг.), с греко-римской надписью. Римские монеты в честь жен императоров известны и по другим находкам на территории Украины, например в Триполье и его окрестностях.[4]

Одна римская монета и бронзовый грубо орнаментированный сосуд, найденные при прокладке канализационных труб в 1890 г., были переданы в Государственный Эрмитаж.[5]

В 1893 г., также при прокладке канализационных труб, были найдены древнегреческие монеты (Faventum) и римская монета императора Филиппа Старшего (отца).[6] При подобных же работах на Подоле нашли монету императора Константина Великого.[7] На Подоле же при рытье так называемой «Канавы», представляющей расширение известного по древним письменным источникам ручья Глубочица, на берегу которого был открыт в 1876 г. знаменитый Оболонский клад, была найдена римская монета императора Константина Великого.[8]

В том же районе, на участке Кирпичного завода был найден клад, состоявший из 40 экз. римских монет III — IV вв. императоров Гордиана, Валериана и Константина Великого.[9]

Вообще на Подоле в конце XIX в. часто находили отдельные римские монеты, но бо́льшая часть их бесследно пропала и не была даже зарегистрирована.

Киевский коллекционер конца XIX в. Н. Леопардов, скупавший у населения случайные находки различных эпох, утверждал, что ему «неодно-

[1] В. Б. Антонович. Описание монет и медалей... Киев, 1896, стр. 252.
[2] См. Описание монет, пожертвованных Н. Леопардовым в Музей К. Духовной Академии. Первое печатное известие об этом кладе опубликовано В. Г. Ляскоронским. Римські монети..., стр. 29—30.
[3] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 30.
[4] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 30.
[5] Там же. См. также ОАК за 1890 г. СПб. 1892, стр. 136—139.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] В. Б. Антонович. Чтения в Историческом обществе Нестора Летоп. Кн. III стр. 16—17.

кратно были предлагаемы в разное время, разными продавцами римские денарии I — II вв., каждый раз небольшими количествами, даже неочищенные от наплыва и осадков ржавчины, с объяснением, что они были найдены на Подоле, или при возделывании огородных грядок или при рытье канав для фундаментов при постройках и пр.».[1]

В. Ляскоронский также сообщал о том, что ему несколько раз приходилось видеть серебряные и медные римские монеты, которые доставали ученики гимназии от рабочих землекопов, или же покупали там же на Подоле в маленьких лавчонках, куда эти монеты попадали с территории самого Киева или его окрестностей.[2]

IV

До недавнего времени было распространено мнение о том, что находки римских монет и особенно кладов связаны исключительно с Киево-Подолом и отчасти с Печерском. Находки римских монет, и тем более кладов, на территории верхнего Киева долгое время были неизвестны.

Однако самый крупный, а может быть и наиболее древний по своему составу клад римских монет, был найден именно на территории верхнего Киева в границах города Ярослава.

Судьба этого клада очень любопытна. Он был найден еще в первой половине 70-х годов прошлого века, т. е. раньше, чем известный Оболонский клад. Но в то время как последний сразу же обратил на себя внимание ученых, был неоднократно подробно описан, Старокиевский клад остался совершенно незамеченным. Печальная история этого клада стала известна в печати спустя более чем полвека после его находки. Историю находки и гибели этого замечательного клада опубликовал в 1927 г. В. Г. Ляскоронский.[3]

Летом 1874 или 1875 г. во время постройки бань на Сенном базаре, при закладке фундамента, рабочие нашли большой сосуд, имевший вид ведра, наполненный римскими серебряными и медными монетами. Огромный клад весил не менее пуда. Монеты были разного размера: большие — по описанию очевидцев — вроде наших старых пятаков, из светлого металла — бронзы, с хорошо сохранившимся изображением головы того или иного императора и легко читавшимися латинскими надписями; другие монеты — серебряные, небольшого размера, подобные нашим 15- или 20-копеечным серебряным монетам, тоже с очень хорошо сохранившимися изображениями и надписями вокруг них.

Рабочие-землекопы быстро разобрали монеты и начали продавать их медникам и серебряных дел мастерам. Часть монет из этого клада попала в руки лавочника, который жил по соседству со строившимися банями и имел тут же небольшую лавчонку. Узнав о находке клада, он поспешил на место работ, осмотрел монеты и купил у рабочих 10 или 15 монет. Осенью того же года к лавочнику зашел возвратившийся с летних вакаций студент-математик IV курса Киевского университета М. Н. Пантелеев. Отпуская товар, лавочник похвастал студенту, любителю старины, своей покупкой и рассказал ему историю находки клада. М. Н. Пантелеев заинтересовался находкой, подробно расспросил об обстоятельствах находки и приобрел у лавочника 4 или 5 серебряных монет из клада. Много лет спустя М. Н. Пантелеев, познакомившись с В. Г. Ляскоронским и узнав о том, что последний интере-

[1] Н. Леопардов. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Серия вторая, вып. 1, Киев, 1893, стр. 28.

[2] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 31.

[3] Там же, стр. 31—33.

суется монетными находками, рассказал ему историю находки клада на Сенном базаре и показал купленные у лавочника монеты. Выяснилось, что это были римские серебряные денарии II в. н. э. — императоров Антонина Пия, Марка Аврелия и Адриана. Все монеты были из высококачественного серебра и отличной сохранности. Однако печальная история клада не окончилась на этом. В. Г. Ляскоронский, сделав подробное описание монет, отправил свою заметку в редакцию одной киевской газеты, но печатание ее задержалось из-за болезни редактора, который к довершению всех бед вскоре умер, а статья затерялась в дебрях редакционных портфелей. Черновик статьи также исчез при переезде Ляскоронского из Киева в Нежин.

Изложенная нами история клада была восстановлена В. Г. Ляскоронским по памяти в неоднократно цитированной выше статье.

М. Н. Пантелеев рассказывал, что из числа виденных им у лавочника монет ему хорошо запомнились большие медные, или бронзовые светлого вида монеты, или медальоны, на которых хорошо были видны изображения голов римских императоров с латинскими надписями вокруг. Только одна монета этого замечательного клада дошла до нас, сохраненная дочерью Пантелеева (О. М. Пантелеевой). Монета эта (рис. 1) представляет серебряный римский денарий императора Адриана (117—138 гг.). На Av — голова императора в лавровом венке, вокруг головы надпись: Imp. Caesar Traian Hadrinus Aug., на Rv — сидящая фигура богини Победы (Victoria) со статуей Ники (Победы), с венком в протянутой правой руке; левой рукой богиня опирается на копье. Около фигуры надпись: P(ontifex) M(aximus) TR(ibunitia) P(otestate) COS III. Монета отличной сохранности.

Рис. 1. Денарий имп. Адриана, найденный в Киеве.

Повидимому, некоторые из монет интересующего нас клада фигурировали на выставке IX Археологического съезда в Вильне в 1893 г. В Каталоге вещей названной выставки после описания двух римских монет, найденных в Киеве в усадьбе Магурина на Подоле (Оболонский клад 1876 г.), указаны еще три бронзовые монеты из клада, найденного весной 1876 г. в усадьбе Догматырского, полученные от г. Пантелеева (монеты еще не определены).[1] В том же Каталоге упомянуты еще 2 римские монеты, найденные в Киеве: серебряная — Антонина Пия (138—161 гг.) и бронзовая — Коммода (180—192 гг.). Место их находки в Каталоге не уточнено.

Второй, не менее замечательный, клад римского времени был найден также в северо-западной части Старого Киева, недалеко от места находки первого клада.[2]

В 1911 или 1912 г. на купленном гр. Соловьевым участке земли по Некрасовской улице при закладке фундамента нового большого дома (ныне № 16 по Некрасовской ул.) рабочими был найден клад в глиняном сосуде, размер и форму которого выяснить не удалось. Клад не был чисто монетным. Помимо золотых и серебряных монет, в нем находились и какие-то другие древние вещи. Подрядчик, производивший работы, забрал весь клад и вскоре продал золотые монеты, получив

[1] Каталог предметов, выставленных на Археологической выставке во время Археологического съезда в Вильне в 1893 г., прилож., стр. 25. Усадьба Догматырского указана, повидимому, ошибочно. Бани на Сенном базаре стоят напротив усадьбы Догматырского.

[2] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 34—38.

за них, как сам он утверждал, большие деньги. Четыре серебряные монеты, соединенные между собой небольшими парными колечками, он отдал в качестве игрушки своему сыну, а тот, разломав колечки, подарил одну (крайнюю) монету своей учительнице Н. Г. Ротмистровой. Последняя видела и всю низку монет, когда они были еще соединены между собой. По словам Ротмистровой, монеты были серебряные, изображения на них отличной сохранности. Одна из этих монет была больше остальных, напоминая старый екатерининский или елизаветинский рубль, две другие были несколько меньшего размера, а четвертая еще меньше, но вместе с тем значительно толще остальных. Соединенные колечками в одну линию, монеты представляли как бы ожерелье, на одном конце которого была наибольшая монета, на другом — наименьшая. По словам Ротмистровой, только на больших монетах были изображены головы римских императоров с надписями вокруг. На самой малой монете было какое-то другое изображение, определить которое она не могла.

Рис. 2. Медальон имп. Люция Вера, найденный в Киеве.

Счастливо сохранившаяся у Н. Г. Ротмистровой самая крупная монета оказалась на самом деле исключительно интересным медальоном времени императора Люция Вера (161—169 гг.) (рис. 2). На Av этого медальона отлично сохранившееся погрудное изображение императора в лавровом венке. Вокруг изображения надпись: L. Verus Aug. Arm. Parth. Max. Tr. P. VIII. На Rv медальона изображена колесница, запряженная четверкой коней, скачущих влево; наездник, управляющий квадригой, имеет на голове круглую шапочку. Над конями летящая фигура крылатой Победы, протягивающая венок к голове наездника. Внизу, под изображением, надпись: COS II, а ниже — SC (senatus consulto). В верхней части медальона, над головой императора, видны следы припайки двух колец, которыми он был связан с другим медальоном. При детальном ознакомлении было выяснено, что медальон не серебряный, а медный, но хорошо высеребрен. Сделан он из двух бляшек, на каждой из которых штампом выбиты изображения, а потом бляшки спаяны вместе.

В нумизматической литературе давно и обстоятельно выяснена двойная роль, которую играли римские медальоны. Это были, с одной стороны, монеты, кратные единицам обычных ходовых монет, с другой — мемориальные медали. Медальоны выбивались обычно в небольшом количестве, по случаю побед, триумфов, больших общественных игр, жертвоприношений и т. п. Выбивали их из золота, серебра или бронзы. Известны медальоны, выбитые в честь знаменитых игрищ в амфитеатрах, в цирках, связанные с императорскими охотами, с импе-

раторскими выездами. Существуют медальоны с новогодними поздравлениями императору от сената и римского народа, медальоны в честь дня рождения императора, или его наследника, в честь вступления на престол и т. п.[1] Надписи на медальонах, а также характер их эмблем дают указания на назначение медальонов. Лицевая сторона медальонов, по словам Шерцля,[2] посвящалась портретам императоров, императриц или наследников престола (цезарей), тогда как сюжет оборотной стороны заимствовался из мифологии и истории государства, или из частной жизни императора (возница с квадригой, атлет, борьба с диким животным и проч.). В отличие от греческих медальонов, эмиссия которых производилась по наказу местных властей, римские мемориальные медальоны выбивались по распоряжению императора или по инициативе сената; в последнем случае на медальонах (как, в частности, на нашем медальоне) читаются литеры SC (senatus consulto, т. е. по наказу сената). Известно, что медальоны, как и обычные монеты, часто использовали в качестве украшений, вставляя их в перстни, диадемы, носили в составе ожерелий, инкрустировали в стенки посуды и пр.[3]

В нашу задачу не входит выяснение назначения ожерелья из четырех монет Киевского клада. В. Г. Ляскоронский высказывал предположение, что оно служило украшением войскового значка римских легионов.[4] Вместе с другими, не дошедшими до нас вещами клада это ожерелье свидетельствует о том, что клад, найденный на Некрасовской улице, был, повидимому, вещевым кладом, хотя в нем были и монеты.

Рис. 3. Античная гемма, найденная в Киеве.

К числу вещевых находок римского происхождения, нам кажется, нужно отнести еще одну случайную находку Д. В. Милеева при раскопках развалин древней церкви в саду Митрополичьей усадьбы (ныне Софийский заповедник). Обстоятельства этой находки, к сожалению, неизвестны. В докладе о раскопках церкви на IV съезде зодчих в 1911 г. Д. В. Милеев демонстрировал фотографию камеи, найденной в районе развалин церкви.[5]

Камея представляет собой овальный медальон с резным изображением Венеры перед зеркалом (рис. 3). По сторонам крылатые купидоны. Изображение довольно грубое, выполнено в натуралистических формах. Д. В. Милеев датировал камею IV в. н. э.

При раскопках около Десятинной церкви был найден серебряный денарий императора Адриана (117—138 гг.). Монета эта каким-то образом попала к учителю гимназии Д. Щербаненко, где ее и видел В. Г. Ляскоронский.[6] Монета из хорошего серебра, отличной сохранности.

Известны находки отдельных римских монет и на горе Киселевке, с чем сообщал В. В. Хвойка.[7]

---

[1] E. Babelon. Traité des monnaies grecques et romaines, т. I, Париж, 1901, стр. 662.

[2] Шерцль. Римское монетное дело. Харьков, 1898, стр. 83—88.

[3] E. Babelon, ук. соч., стр. 662; В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 35—36, 37.

[4] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 39.

[5] Д. В. Милеев. Вновь открытая церковь XI века в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города. Труды IV Съезда русских зодчих, СПб., 1911, стр. 121.

[6] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 31.

[7] Там же, стр. 31.

Нам остается перечислить ряд находок отдельных римских монет и нескольких кладов за последнее 25-летие. В середине 20-х годов XX в. в усадьбе № 34 по Караваевской улице в саду был найден небольшой клад, состоявший из римских денариев. Две монеты этого клада были определены В. Г Лясоронским. Одна чеканена имп. Адрианом (117—138 гг.), другая имп. Коммодом (180—192 гг.).[1]

В 1928 г. при прокладке новой улицы на Лукьяновке был найден клад, состоявший из 20 римских монет III в. н. э.[2]

За последние 25 лет зарегистрировано до девяти случаев находок отдельных римских монет II—IV вв. в различных районах города,[3] в частности в 1927 г. около Выдубицкого монастыря дети нашли медную монету императора Константа, сына Константина Великого. Монета отличной сохранности; передана в Киевский Исторический музей.[4]

V

Клады и случайные находки римского времени не являются единственными памятниками этого времени на территории Киева. Еще раскопками В. В. Хвойки на усадьбе Петровского было установлено суще-

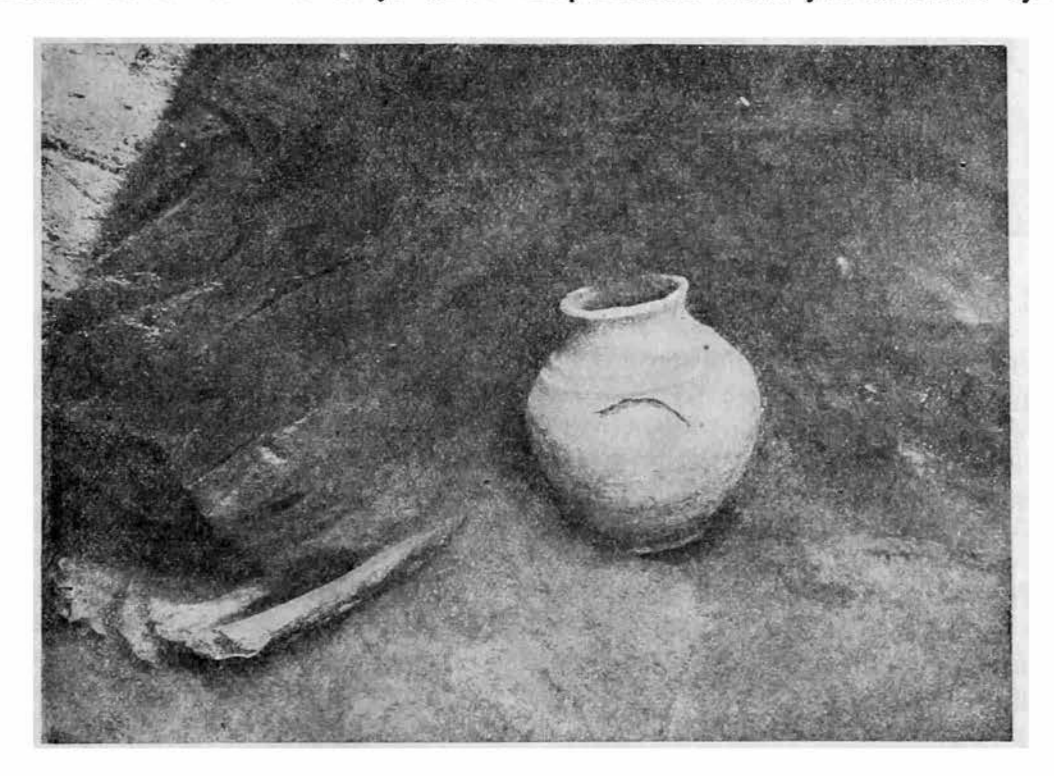

Рис. 4. Глиняный сосуд из погребения (Киев).

ствование погребений, относившихся к эпохе «полей погребений». Найденный им небольшой глиняный сосуд с лощеной поверхностью В. В. Хвойка считал вполне сходным с погребальными сосудами могильников латенского типа (с сожжением) с. Зарубинцы, Каневского у., м. Межиречье, Черкасского у. и м. Ржищева, Киевского у., Киевской

---

[1] В. Г. Лясоронский, ук. соч., стр. 39.

[2] И. М. Самойловский. Археологічні дослідження на території м. Києва з 1917 по 1937 рік. Рукопись. Архив Института археологии АН УССР.

[3] И. М. Самойловский, ук. соч.

[4] В. Г. Лясоронский, ук. соч., стр. 39.

губ.[1] В тех же раскопках была найдена бронзовая фибула римского провинциального типа.[2]

Исключительное значение для интересующего нас вопроса о поселениях первых веков на территории Киева имеют два погребения, открытые раскопками Института археологии Академии Наук УССР в 1937 г. на усадьбе Художественной школы (быв. ус. Петровского). Первое погребение (№ 4/1937 г.) было вскрыто на глубине 2.10 м от уровня современной поверхности земли. Погребальная яма была вкопана на 0.5 м в лессовый материк. Найденный костяк взрослой женщины лежал головой на запад, с руками, вытянутыми вдоль линии скелета. Никаких следов гробовища обнаружено не было. Около правой руки скелета стоял глиняный сосуд банкообразной формы, сделанный на гончарном круге из хорошо отмученной глины (рис. 4). Сосуд имел довольно узкое горло и венчик. По плечикам сосуда тянутся два рельефных концентрических выступа, между которыми тисненый орнамент в форме ломаной линии. На донце сосуда два концентричных выступа. Высота сосуда — 0.16 м, диаметр 0.48 м, диаметр донца — 0.07 м, диаметр венчика — 0.08 м. Цвет сосуда желтовато-серый.

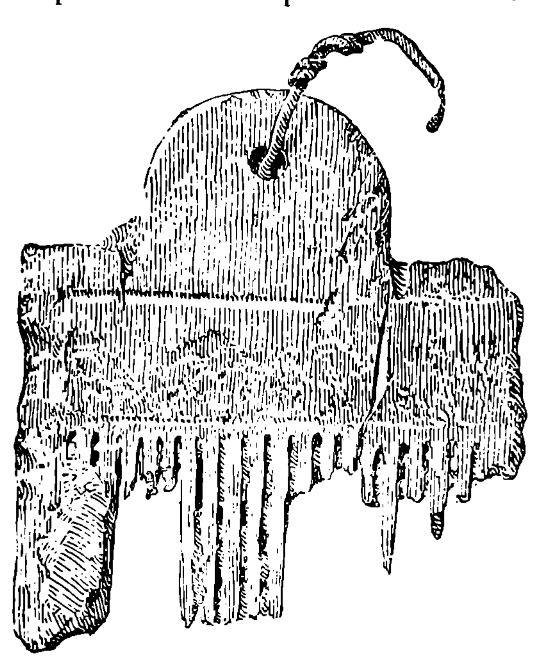

Рис. 5. Гребень из погребения (Киев).

Около черепа скелета был найден костяной гребень с полукруглым верхом, в котором было небольшое отверстие с продетым сквозь него медным колечком (рис. 5). Около левого плеча скелета лежала бронзовая фибула с высоко выгнутой дужкой и ромбовидным щитком у конца дужки (рис. 6). Фибула относится к типу так называемых римских провинциальных фибул.[3] Инвентарь и характер погребения не оставляют сомнений в том, что перед нами погребальный комплекс типа так наз. «полей погребений».

Вблизи от описанного погребения (в 0.5 м к западу) было раскопано еще одно погребение (№ 1/1937 г.) с детским скелетом, ориентированным также головой на запад. Погребение было, как и первое, вкопано в лессовый грунт на глубину 2.17 м от современной поверхности земли. При погребении (у плечевых костей) найдены два медных колечка (диам. 0.08 и 0.019 м), две сердоликовых бусины, из которых одна продолговатая, четырехугольная, с ромбовидными выступами с двух сторон, другая круглая, несколько приплюснутой формы, две

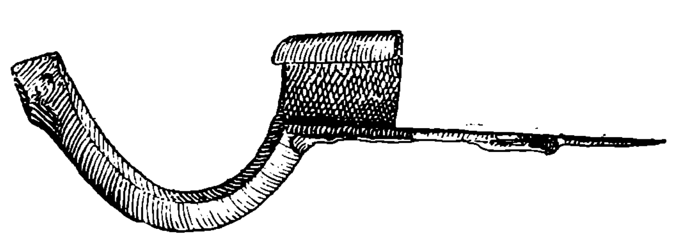

Рис. 6. Фибула из того же погребения.

---

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 65.

[2] Там же, стр. 65.

[3] Отчет о раскопках 1936—1937 гг. Рукопись (Архив Института археологии АН УССР), стр. 51—53.

небольшие стеклянные бусины и одна пастовая, бочкообразная, с белой орнаментальной ломаной линией на поверхности. Длина пастовой бусины 0.014 м, диаметр 0.013 (рис. 7).

Поблизости от описанных погребений была найдена небольшая круглая бронзовая пластинка с рельефным изображением головы Горгоны (рис. 8).

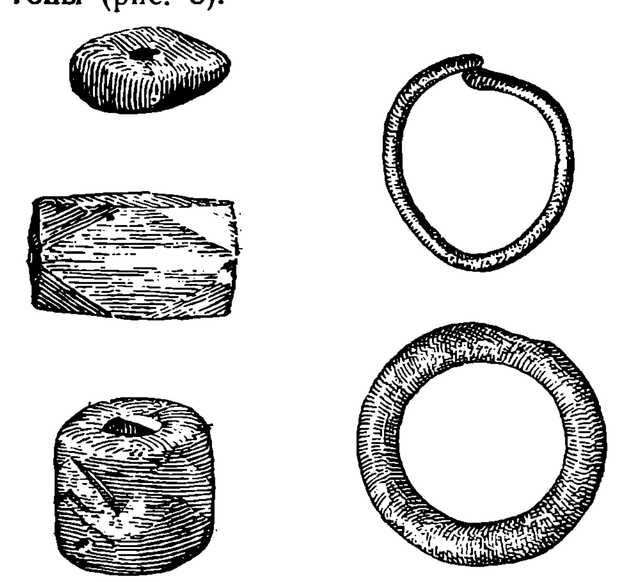

Рис. 7. Колечки и бусы из погребения (Киев).

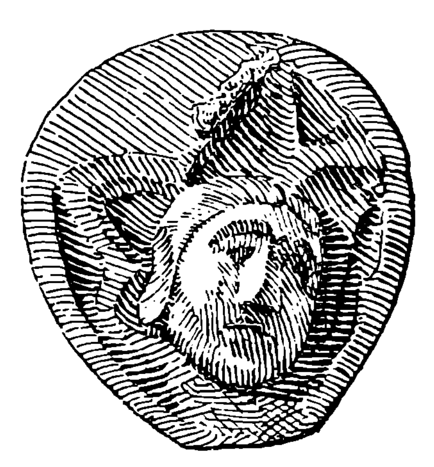

Рис. 8. Бронзовая пластинка с изображением головы Горгоны.

VI

Перечисленные серии памятников, относящихся к первым векам н. э., число которых неуклонно растет из года в год, свидетельствуют о том, как далек был от истины покойный А. А. Спицын,[1] утверждая в 1899 г., что в многочисленных киевских коллекциях древностей можно отметить только два предмета, относящиеся ко времени II — IV в., да и тех местное происхождение сомнительно. Найденные в Киеве римские монеты, по мнению Спицына, тоже не доказывали существования здесь современного им значительного поселения. Начало Киева как города Спицын относил к IX в. Между тем находки кладов и случайных вещей в таком значительном количестве, как показано выше, едва ли могут быть объяснены иначе, чем существованием в течение первых веков н. э. на территории Киева значительного поселения; находки же in situ нескольких погребений той же эпохи способны рассеять последние сомнения в этом вопросе.

Не приходится удивляться, что до сих пор не обнаружено пока других признаков длительно существовавшего оседлого населения, в частности жилищ. Ведь никто не заподозрил факта существования Киева в VIII — X в., однако только в 1939 г. впервые нам удалось найти единственную пока землянку этого времени. Бурное строительство города XI — XIII вв., развившегося на той же территории, которая была заселена и в предшествующие периоды, в значительной мере стерло с лица земли следы городищ непосредственно предшествующего периода. Что же говорить о поселении более раннего времени! Но,

---

[1] Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. XXI, Киевская губ., ЗРАО, 1899, т. XI, вып. 1—2, стр. 268—289.

кроме того, необходимо отметить и другое. Систематическим раскопкам подверглись лишь незначительные по отношению к общей площади города участки в районе вокруг Десятинной церкви (ус. Петровского, ус. Трубецкого, ус. Слюсаревского, ус. Десятинной церкви), в районе Михайло-Златоверхого монастыря, в районе горы Киселевки и некоторые другие. Вся остальная огромная территория города, по существу, совершенно не изучена. В частности, те районы города, где были найдены наиболее значительные клады римских монет и вещей, совершенно не подвергались археологическим исследованиям.

Необходимо остановиться еще на одном важном вопросе. Выше было сказано о том, что находки римских монет долгое время связывались исключительно с Подолом и отчасти с Печерском. В верхнем Киеве находки этого типа долгое время были вовсе не известны. Отсюда возникла мысль о том, что поселение первых веков н. э. было расположено в Подольской части Киева, в устье Почайны. [1] Этот же район Киева имел в виду В. Б. Антонович, когда писал о «многолюдном, торговом центре, находившемся в северном углу города в IX — X ст.». [2]

Топография известных ныне кладов, случайных находок и погребений существенно меняет наши представления о древнейшем центре или центрах на территории Киева. Находки римского времени встречены в самых различных районах Киева, весьма удаленных один от другого. Мы считаем необходимым решительно предостеречь от того пути в трактовке этих находок, по которому пошел В. Г. Ляскоронский. Находки тех или иных кладов первых веков н. э. он пытался связывать с топографией позднейшего великокняжеского Киева, рассматривая, тем самым, поселение первых веков н. э. не только как единый крупнейший по размерам город, но к тому же и как город, топография которого предопределила в основном топографию города Ярослава середины XI в.

Так, по поводу находки клада римских монет на Сенном базаре, В. Г. Ляскоронский писал: «Ця знахідка римських монет дуже цікава тому, що скарб був заритий біля стародавньої межі Київської великокнязівської фортеці, недалеко від так званих Жидівських або Львівських воріт, — значить біля того району, який з давніх часів був відомий своїм інтенсивним коммерційним життям» (при этом ссылка на летописное известие 1113 г. о том, что по смерти кн. Святополка II, «Кияне разграбиша двор Путятинъ тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я». Ип. Лет.). [3]

Клад, состоящий из монет II в., связывается с топографией «Ярославової фортеці», возникшей в 30-х гг. XI в. на месте, где только что было «поле вне града». Более того, номенклатура ворот Ярославова города соблазнила Ляскоронского связать найденный клад с интенсивной коммерческой жизнью района.

С этим же районом крепостных валов Ярославова города связывал Ляскоронский и замечательный клад, найденный на Некрасовской улице, вновь повторяя, что эти оба клада наибольшие и наиболее ценные, найдены, «біля давньої кріпостної межі міста Київа, а саме — тієї частини міста, яку оселяв торговельно-промисловий люд і яку з давніх часів звали «жидівським городом», або «Жидове», як свідчать наші літописи» (Ип. Лет., стр. 198, 296 и пр.).

---

[1] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 165.

[2] В. Б. Антонович. О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве. Тр. IV АС. — Он же. Археол. находки и раскопки в Киеве и в Киевской губ. в течение 1876 г. Чт. в Ист. общ. Нестора Лет., кн. I, стр. 250, сл.

[3] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 33.

«Крім того, їх знаходили по схилах, або боках того яру, який давав доступ до так званих „Жидівських або Львівських" воріт, ще відогравали, як відомо, велику ролю в военно-стратегічному відношенні, де виникали величезні криваві сутичкі між оборонцями Київа та ворогами, що чинили на нього напад». [1]

Клад римских монет, найденный на Печерске около Арсенала, Ляскоронский также пытался связать с топографией великокняжеского Киева, считая, что он обнаружен на дороге, которая соединяла древний Киевский кремль с Великой церковью Печерской Лавры, проходившей через важные в истории Киева «Лѣтские Ворота», где был один из важных подступов к Старому Киеву. [2]

Находку на Караваевской улице Ляскоронский также связывал с линией подходов к Старому Киеву с запада от р. Лыбеди в направлении на Золотые Ворота. [3] Наконец, и Оболонский клад, по мнению Ляскоронского, найден в той части Подола, где были с древних времен ворота, которые вели на Подол. [4]

Общий вывод Ляскоронского о том, что бо́льшая часть кладов римских монет найдена на линиях древних путей, ведших к древнему Киеву с северо-запада, юго-востока и запада, приходится безусловно отвергнуть, ибо в основе этого вывода лежит ошибочное перенесение топографии Ярославова города XI в. в первые века н. э.

Если Ляскоронскому еще не могли быть известны наши выводы о существовании на территории Киева в VIII—X вв. нескольких не связанных между собой поселений на Горе, на Подоле, на Киселевке и других, то факт существования в конце X в. города Владимира, значительно меньшего по своей площади, чем город Ярослава 30-х годов XI в., установлен историками и археологами Киева уже давно и был отлично известен Ляскоронскому.

Нам кажется, что в этих попытках связать разбросанные по огромной территории Киева клады римских монет первых веков н. э. нельзя не видеть отголоска теории о существовании большого Днепровского города, тесно связанного торговыми и культурно-политическими связями с Римом, хотя сам Ляскоронский ни разу не назвал этот город ни Danparstadir, ни столицей Эрманарика

Нам представляется исторически гораздо более реальной другая трактовка. Клады, случайные находки и погребения локализуются в основном в трех районах Киева, весьма отдаленных один от другого.

В верхнем нагорном Киеве, в северном углу города Ярослава, в районе Львовских ворот, найдены клады, наиболее древние и наиболее богатые по своему составу. Там же, но несколько поодаль к востоку (в границах города Владимира) обнаружен некрополь типа «полей погребений». Ряд кладов и случайных находок найден в северном углу Киева, на Подоле у устья р. Почайны. Дата их немного более поздняя (III — IV вв.). Клад и несколько случайных находок найдены на Печерске и на путях к нему. Несколько случайных находок римских монет связано с территорией горы Киселевки.

Топография находок первых веков н. э., связанных с указанными районами Киева, заставляет, на наш взгляд, вспомнить, что и памятники VIII—X вв., найденные на территории Киева, также локализованы в нескольких разобщенных между собой районах, некоторые из которых совпадают с районами находок первых веков н. э.

---

[1] В. Г. Ляскоронский, ук. соч., стр. 41.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

Изучая некрополи и городища VIII — X вв. на территории Киева, мы предложили трактовать эти памятники не как части единого грандиозного города, а как остатки нескольких самостоятельных поселений, предшественников будущего Киева.[1] Нам представляется, что и в первые века н. э. на территории будущего Киева существовало несколько небольших поселений, число которых определить точно пока еще невозможно.

Находки монетных кладов, случайных предметов и монет, и даже немногочисленных погребений не дают пока возможности раскрыть с желаемой полнотой этнический и социальный характер поселений, существовавших в первые века н. э. на территории Киева.

---

[1] М. К. Каргер. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК АН СССР, I, 1939, стр. 9—10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Археологическая комиссия
АИЗ — Археологические известия и заметки
АН — Академия Наук
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АК — Археологическая комиссия
ВГВ — Вятские губернские ведомости
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я Марра
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества
ЕХП — П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в Х в. Изд. АН СССР, Л., 1923
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО — Записки восточного отделения Русского археологического общества
ЗИВАН — Записки Института востоковедения АН СССР
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗРОРАО — см. ЗОРСА
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИВ — Исторический вестник
ИГАИМК — Известия ГАИМК
ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИРГО — Известия Русского географического общества
КВГ — Календарь Вятской губернии
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАЭК — Нижегородская Археолого-этнологическая комиссия
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОРСА — Отдел русско-славянской археологии
ПСЗ — Полный свод законов Российской империи
РАЖ — Русский Антропологический Журнал
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РАО — Русское Археологическое общество
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
СМЕЛА — А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, СПб., тт. I, II, III, 1887, 1894, 1901
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук СССР

ТМАО — Труды Московского Археологического общества
ТР...АС — Труды Археологического съезда
ТСАИАИ — Труды Секции Археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН
ЦБК — Центральное бюро краеведения
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
BGA — Bibliotheca Geographorum Araborum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
38	15 сверху	«Краснопутская»	«Краснокутская»
51, лев. столб.	16 „	Гапсал	Гапсаль
68	18 снизу	Гольштатте	Гальштатте
119	3	Joyse	Joyce
120	4 „	Joyse	Joyce
196	рис. 11	д. Сетякова	д. Сетяково
197	рис. 12	д. Сетякова	д. Сетяково
210	20 снизу	0.8 см	0.8 м
337, прав. столб.	11 „	Бархвинского городища	Барвихинского городища
347,	35 сверху	(Ростовская обл.)	(Адыгейская авт. обл.)
368,	14 „	IV, 224, 234, 239	I, 224, 234, 239
375, „ „	4 снизу	Зиберть Э. В.	Зиберт Э. В.
383, лев. столб.	1 „	Mochsen Moghadam	Mohsen Moghadam